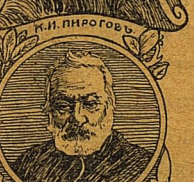
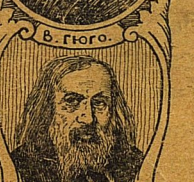
V 304/780

Изданіе
Д. П. ЕФИМОВА

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ВСЕГО МІРА.

ОПИСАНІЕ ИХЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. Е. ЗАРИНА.





А. Е. ЗАРИНЪ.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Москва.—1915.

Книгоиздательство Д. П. ЕФИМОВА

МОСКВА, Мал. Дмитровка, Дегтярный пер., д. 10.

Замѣчательные люди всего міра

собраніе біографій великихъ людей всѣхъ временъ и народовъ. Ихъ жизнь, дѣятельность и заслуги.

подъ редакціей А. Е. ЗАРИНА.

Изъ всѣхъ родовъ чтенія, безспорно, чтеніе біографій является самымъ воспитательнымъ и образовательнымъ, — особенно для юношества.

Въ біографическихъ разсказахъ нѣтъ вымысла, но многіе изъ нихъ по своей занимательности увлекательнѣе любой сочиненной повѣсти, какъ, напр., біографіи Ломоносова, Кулибина, Диккенса и др. Въ этихъ разсказахъ, слѣдя за жизнью того или другого великаго человѣка, читатель видитъ, какъ упорное стремленіе къ цѣли преодолѣваетъ всякія препятствія, какъ вѣра въ свои силы, настойчивость и трудъ всегда одерживаютъ въ жизни побѣду и какъ всегда зло и неправда, въ концѣ-концовъ, склоняются передъ добромъ и истиной. Наконецъ, читатель узнаетъ жизнь и дѣла тѣхъ великихъ людей, которые на пути человѣческаго разви-

Замѣчательные люди всего міра
ОПИСАНІЕ ИХЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
подъ редакціей А. Е. Зарина.

А. Е. Заринъ.

Дѣдушка Крыловъ

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХУ-05283

ИЗДАНІЕ
Д. П. ЕФИМОВА
= МОСКВА, =
М. Дмитровка, Дегтярный
пер., д. 10.
1915.

2010515019

Типографія Вильде, Москва, Брестскій пер., д. 2.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ
КРЫЛОВЪ.

Дѣдушка Крыловъ

(біографическій очеркъ).

I.

Кто изъ грамотныхъ на Руси не знаетъ „дѣдушку Крылова“ и его басенъ?

Вѣроятно, нѣтъ такихъ людей. Въ школахъ учатъ его басни, едва школьникъ узнаетъ грамоту; дома—на досугѣ—съ удовольствіемъ каждый перечитываетъ эти же басни. Читаютъ ихъ и со сцены.

Когда хотятъ указать на чистый русскій языкъ приводятъ въ примѣръ басни Крылова и допущенныя имъ выраженія считаются безспорно правильными.

Можно навѣрное сказать, что въ Россіи нѣтъ болѣе извѣстнаго писателя, нежели Крыловъ, и книжки съ его баснями напечатаны и проданы въ неимовѣрномъ количествѣ. Есть книжки съ баснями Крылова, украшенныя прекрасными рисунками, очень дорогой цѣны и есть книжки, продающіяся за 15 и за 10 копеекъ. И въ пышныхъ хоромахъ, и въ избѣ, и въ подвалахъ—вездѣ читаютъ басни Крылова и вездѣ ласково зовутъ его „дѣдушкой“.

Онъ заслужилъ у насъ свою безсмертную славу и любовь.

Прекрасно опредѣлилъ его дарованіе и его значеніе митрополитъ Макарій въ своей рѣчи на открытіи памятника Крылова:

„Что онъ говорилъ? Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ, и въ особенности мудрецъ русскій. Братья соотечественники! Договаривать ли, что еще завѣщалъ намъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ любовь, безграничную любовь ко всему отечественному, къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ началамъ нашей народной жизни...“

Не лишена и глубокаго поученія его жизнь. Прослѣдя ее, можно видѣть, какъ человѣкъ силою воли сумѣлъ побѣдить свои недостатки, исправить свой характеръ; какъ, разъ найдя свой путь и понявъ свое назначеніе, онъ уже не сбивался въ сторону и, не гонясь ни за почестями, ни за славою, достигъ общей любви и глубокаго уваженія, помимо безсмертной славы, что выпала ему въ удѣлъ уже за его талантъ, а не за личныя достоинства.

Крыловъ родился въ Москвѣ, 2 февраля 1768 года въ семьѣ бѣднаго армейскаго офицера, Андрея Прохоровича Крылова.

Вскорѣ послѣ рожденія сына Крыловъ съ своимъ полкомъ былъ отправленъ за Уралъ, куда послѣдовала за нимъ и жена съ годовалымъ сыномъ Ваней.

Этому Ванѣ, будущему баснописцу, грозила смерть, когда ему исполнилось всего 4 года.

Въ 1772 году на Уралѣ разразился страшный пугачевскій бунтъ. Капитанъ Крыловъ въ это время находился въ городѣ Яикѣ.

Боясь за участь жены и сына, онъ отправилъ

ихъ въ Оренбургъ, а самъ остался въ числѣ храбрыхъ защитниковъ Яика.

Городъ былъ бы взятъ бунтовщиками, если бы не рѣшительность, ясный умъ и твердость капитана Крылова, который сталъ руководить защитой въ минуту общей растерянности.

Вмѣстѣ съ полковникомъ Симоновымъ онъ отбивалъ всѣ приступы бунтовщиковъ, являясь въ самыхъ опасныхъ пунктахъ, показывая примѣръ храбрости, ободряя защитниковъ.

Пугачевъ приходилъ въ ярость, скрежеталъ зубами и клялся, что казнитъ не только Симонова и Крылова, но и ихъ женъ и дѣтей.

Однако, Богъ помиловалъ и Крылова, и его семью.

Пугачеву не удалось взять ни Оренбурга, ни Яицкаго городка. Онъ былъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ,—но Крыловъ съ осажденными пережили ужасные дни.

Когда были съѣдены всѣ запасы, они питались кошками и собаками, а послѣдніе дни одною глиною.

Маленькій Ваня, находясь въ это время съ матерью въ Оренбургѣ, чувствовалъ, не понимая, общую тревогу и видѣлъ свою мать постоянно въ слезахъ, грустною и скорбно молящеюся.

Пугачевскій бунтъ былъ прекращенъ, и капитанъ Крыловъ подалъ въ отставку. Не заслужилъ онъ ни награды, ни даже пенсіи за свои подвиги, но ему доставили мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата въ Твери, куда онъ и переѣхалъ.

Росъ маленькій Ваня; у него появился братецъ Левъ. Отецъ, сколько могъ, дѣлился съ сыномъ своими познаніями и училъ его грамотѣ. Болѣе, какъ грамотѣ да четыремъ правиламъ ариѳметики, онъ не могъ обучить сына. Мать учила его Закону

Божію и въ этомъ заключалось образованіе маленькаго Крылова.

Самъ Крыловъ понималъ значеніе образованія. У него даже былъ цѣлый сундукъ съ книгами, которыя онъ читалъ на-досугѣ. Но средствъ у него не было никакихъ; въ городѣ Твери не было ни школъ, ни пансіоновъ, ни учителей и онъ не могъ дать сыну больше, чѣмъ зналъ самъ.

Однако, судьба пришла на помощь. Въ Твери жилъ богатый помѣщикъ Львовъ, у котораго для дѣтей былъ нанятъ гувернеръ французъ.

Крыловъ пользовался общимъ уваженіемъ, и Львовъ разрѣшилъ его сыну учиться вмѣстѣ со своими дѣтьми.

Самолюбивый мальчикъ неохотно ходилъ на эти уроки.

— Мама,—жаловался онъ,—меня прибилъ этотъ мальчишка, а учитель сказалъ, что это мнѣ за честь!

— Мама,—жаловался онъ въ другой разъ,—почему всѣ учителя бьютъ меня и называютъ нищимъ?

— Я не пойду къ нимъ больше! Они смѣются надъ моимъ камзоломъ, они бьютъ меня, а этотъ мальчишка сказалъ: „я буду кидать конфекты на полъ, а ты стань на четвереньки и бери ихъ ртомъ“. Я не хочу!

Но мать уговорила сына не обращать на это вниманія и терпѣть, потому что „они бѣдные“, что только этой тяжелой цѣной униженія онъ можетъ чему-нибудь выучиться.

Нерѣдко, лаская сына, она плакала вмѣстѣ съ нимъ, и Ваня ходилъ учиться въ богатую семью Львова, терпѣливо перенося всѣ обиды и отъ избалованныхъ дѣтей, и отъ учителей.

Надо помнить, что это было очень давно. Тогда достоинство людей опредѣлялось только ихъ бо-

гатствомъ; тогда богатый помѣщикъ чувствовалъ себя маленькимъ властелиномъ, унижая бѣдняка и самъ унижаясь передъ болѣе богатымъ.

Такъ дожилъ маленькій Крыловъ до 11 лѣтъ, когда ему вдругъ пришлось стать опорою своей матери.

Отецъ его скончался, оставивъ своей семьѣ только честное имя да сундукъ съ книгами.

Занимая служебное мѣсто въ Твери, онъ могъ составить себѣ состояніе, беря взятки и благодарности, но онъ—прямодушный воинъ—не умѣлъ этого дѣлать. Пенсій въ то время за службу не назначалось—да и служилъ онъ недолго, и бѣдной вдовѣ надо было самой изыскивать средства къ жизни для себя и своихъ дѣтей.

II.

Прежде всего бѣдная вдова обратилась за помощью въ магистратъ, и тамъ для нея, ради памяти покойнаго Крылова, устроили 11-лѣтняго сына на должность подканцеляриста въ Калязинскомъ магистратѣ.

Кончилось, и безъ того короткое, ученіе Вани въ семействѣ Львова. Зато у него былъ сундукъ съ книгами. Среди книгъ онъ нашелъ сочиненія Новикова „Свѣтъ зримый въ лицахъ“, „Древняя Вивліофика“ и „Дѣянія Петра Великаго“; нашелъ сказки „Тысяча и одна ночь“ и „Донъ-Кихота“. Всѣ эти книги онъ съ жадностью прочелъ нѣсколько разъ и тотчасъ самъ сталъ пробовать „сочинять“, къ чему имѣлъ неудержимую страсть.

Какъ чиновникъ онъ былъ исправенъ. Стара-

тельно переписывалъ бумаги, заносилъ ихъ въ реестры, подшивалъ къ дѣламъ и въ то же время зоркимъ глазомъ присматривался ко всѣмъ лицамъ, которыя вереницею проходили передъ нимъ.

А бѣдная вдова выбивалась изъ силъ. Сынъ получалъ 10 рублей въ годъ и на эти деньги надо было жить.

И вотъ она надумала ѣхать въ Петербургъ.

Тамъ она будетъ искать покровителей для сына, тамъ же станетъ хлопотать о пенсіи или о пособіи.

У ней были и надежда, и основаніе. Самъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ зналъ ея покойнаго мужа и отличалъ его.

Тамъ были и сослуживцы ея мужа, достигшіе къ этому времени большихъ чиновъ и важныхъ мѣстъ.

Она собрала сколько могла денегъ, продала свое небогатое имущество, достала сыну отпускъ на одинъ мѣсяцъ и уѣхала въ Петербургъ искать счастья.

Пріѣхавъ, она принялась за дѣло.

Гдѣ и кого она просила, неизвѣстно, но хлопоты ея увѣнчались отчасти успѣхомъ.

Вдовьи слезы до сердца доходчивы, и она добилась того, что сынъ ея, Иванъ, которому шелъ уже 15-й годъ, „въ уваженіе къ заслугамъ отца и за свою безпорочную службу“ былъ награжденъ чиномъ канцеляриста и опредѣленъ на службу въ казенную палату съ жалованьемъ 25 рублей въ годъ, что по нашему времени равнялось 250 рублямъ.

Это событіе произошло въ 1782 году, когда императрица Екатерина Великая была на вершинѣ своего могущества и славы; дворъ ея поражалъ всѣхъ великолѣпіемъ и блескомъ, Петербургъ своею кра-

сотою и на площади его уже высился великолѣпный памятникъ его основателю, Петру Великому.

Императрица жила уже въ выстроенномъ Зимнемъ дворцѣ. Невская перспектива уже протянулась за Фонтанку, и по ея сторонамъ стояли и домъ Строганова, и дворецъ Разумовскаго, и старый Зимній дворецъ, и великолѣпные дворцы, построенные знаменитымъ Растрелли.

Вдова Крылова поселилась въ глухомъ предмѣстье, въ улицѣ Измайловскаго полка. Тамъ были сады и огороды, на улицахъ паслись коровы и бродили свиньи, тамъ ничто не напоминало пышной столицы и жизнь проходила въ тишинѣ, какъ въ далекой провинціи.

На 25 рублей жить трудно, но все же было возможно.

И стали жить.

Начинается самая интересная сторона жизни будущаго писателя. Сильный, необузданный, съ жаждой успѣха и славы, онъ кидается въ разныя дѣла, пока не побѣждаетъ свою широкую натуру волей и разумомъ и не дѣлается тѣмъ, чѣмъ остался на всю свою жизнь: спокойнымъ, разсудительнымъ, зорко видящимъ все происходящее вокругъ и мало говорящимъ.

III.

Несмотря на свой юный возрастъ, Крыловъ уже успѣлъ прочесть сочиненія современныхъ писателей и самой Екатерины. Онъ увидѣлъ, что въ нихъ главнымъ образомъ осмѣиваются пороки, которыми одержимо было общество, и подхватыва-

ются разныя смѣшныя черты тогдашнихъ нравовъ. Осмѣяны чванливость, погоня за иностраннымъ, любовь къ сплетнѣ и пересудамъ; осуждены невѣжество, взяточничество.

Мальчикъ Крыловъ, сидя въ магистратѣ, зоркимъ глазомъ подмѣчалъ все смѣшное и, наконецъ, сочинилъ комедію „Кофейницу“.

Драгоцѣнную рукопись онъ привезъ съ собою. Самоувѣренности въ 14-тилѣтнемъ мальчикѣ было—хоть отбавляй, и вотъ онъ, недолго думая, понесъ свою драгоцѣнность въ книжный магазинъ къ Брейткопфу. Пьеса никуда не годилась, но въ то время искали пьесъ хоть плохихъ—и Брейткопфъ купилъ ее у Крылова за 60 рублей. У Крылова закружилась отъ гордости голова. Онъ сразу счелъ себя писателемъ, а когда узнали объ его успѣхѣ на службѣ, то всѣ его товарищи проникнись къ нему особымъ почтеніемъ.

Время было особое. Императрица только-что выстроила при Зимнемъ дворцѣ свой Эрмитажъ и въ немъ театръ. Она считала, что театръ способствуетъ просвѣщенью, сама писала для него пьесы и открыла въ свой Эрмитажный театръ доступъ всѣмъ. Два раза въ недѣлю въ театръ могли приходить всѣ, уплативъ за входъ мѣдный рубль.

Этотъ театръ породилъ любителей, особенно между служащими. Бѣдняки не доѣдали, стараясь сберечь рубль. Почти каждый имѣлъ уже свое мѣсто въ театрѣ. У каждаго актера и актрисы была своя партія. Въ канцеляріи на службѣ шли постоянно горячіе споры о пьесахъ, объ актерахъ, объ игрѣ. Казалось, всѣ были помѣшаны на театрѣ, и Крыловъ заразился общей страстью.

Въ театрѣ онъ увидалъ игру Дмитревскаго и Сандуновыхъ. Здѣсь же онъ увидалъ пьесу Сумарокова „Семиру“, которая считалась тогда вѣн-

цомъ его твореній, а онъ самъ—величайшимъ русскимъ писателемъ.

И тутъ Крыловъ рѣшилъ сдѣлаться такимъ же знаменитымъ, какъ Сумароковъ.

За свою пьесу онъ не взялъ деньги, а взялъ книги на всѣ 60 рублей: Расина, Мольера и Буало. Взявъ эти книги, онъ выучилъ ихъ почти наизусть и по нимъ сталъ сочинять трагедію „Клеопатра“. Но Сумароковъ былъ образованнымъ человѣкомъ, у Сумарокова былъ талантъ драматическаго писателя, у Крылова же были только желаніе славы и упорство.

Какъ-никакъ онъ написалъ свою пьесу и потащилъ ее къ великому въ то время актеру, Дмитревскому.

Этотъ Дмитревскій, вмѣстѣ съ братьями Волковыми, являлся первымъ русскимъ актеромъ. Родомъ изъ Ярославля, сынъ священника, по фамиліи Нарымовъ, онъ былъ увлеченъ Волковымъ и сталъ играть на сценѣ женскія роли. Ярославскій театръ сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ.

Сама императрица, Елизавета Петровна заинтересовалась ярославскими актерами и выписала ихъ къ себѣ.

Они играли передъ нею трагедію Сумарокова „Хоревъ“ и такъ увлекли ее своею игрою, что императрица оставила ихъ у себя, назвала придворными актерами и основала русскій казенный театръ.

Она же дала Нарымову имя Дмитревскаго, котораго можно назвать отцомъ русскихъ актеровъ.

Умерла императрица Елизавета, вступила на престолъ Екатерина; умерли братья Волковы съ товарищами и изъ всей семьи первыхъ русскихъ актеровъ остался одинъ Дмитревскій.

Умница отъ природы, начитанный, умѣвшій тонко распознавать людей и никогда никому не го-

ворившій порицаній, онъ былъ общимъ любимцемъ и уважаемымъ, какъ артистами, такъ придворными и самой государыней.

Къ нему-то и направился Крыловъ со своей трагедіей „Клеопатра“.

Долго добивался онъ возможности увидѣть Дмитревскаго: то его не было дома, то у него были гости, то ему нездоровилось. Наконецъ, Дмитревскій принялъ молодого драматурга.

Онъ не полѣнился выслушать всю трагедію.

Осторожно и добродушно указалъ онъ всѣ ея недостатки, объяснилъ, что она и скучна, и глупа и что лучше написать что-нибудь новое, нежели исправлять ее.

Крыловъ уничтожилъ ее и тотчасъ принялся за новую, взявъ темою разсказъ изъ греческой миѳологіи.

Пьесу онъ назвалъ „Филомелой“, и она оказалась еще хуже первой. Дмитревскій забраковалъ и ее, но въ то же время подмѣтилъ въ Крыловѣ дарованіе и обласкалъ его.

Крыловъ также полюбилъ почтеннаго, умнаго, добродушнаго старика и, хотя между ними была разница въ 32 года, они сдружились.

Не удалась и вторая трагедія, и Крыловъ понялъ, что такія пьесы ему не по силамъ, но желаніе писать для театра все-таки не оставило его, и онъ быстро написалъ двѣ комедіи „Бѣшеная семья“ и „Сочинитель въ прихожей“.

Пьесы были нужны для театра, хотя и плохія. Директоромъ театра былъ тогда генералъ-маіоръ Соймоновъ, умный и образованный человѣкъ.

Онъ принялъ пьесы Крылова, за что разрѣшилъ ему безплатный входъ въ театръ, поручилъ композитору Деви написать музыку къ пьесѣ „Бѣшеная семья“ и обласкалъ Крылова: взялъ его

на службу въ кабинетъ Ея Величества, и далъ перевести пьесу „Инфанта“.

Крыловъ былъ радъ своему успѣху въ театрѣ, а мать его переводу на лучшую службу.

Это была ея послѣдняя радость: вскорѣ она умерла, и Крыловъ остался одинъ со своимъ младшимъ братомъ.

Каковъ же онъ былъ въ то время? Юноша 19-ти лѣтъ, худощавый, высокаго роста, съ огромной кудлатой головой и упрямымъ лицемъ, съ громкимъ, насмѣшливымъ голосомъ, самоувѣренный и, пожалуй, хвастливый. Подсмѣивался онъ надъ всѣмъ и надъ всѣми, хотя въ то же время умѣлъ и польстить богачу или вельможѣ.

Хотя „Кофейница“ его и не видала сцены, „Бѣшеная семья“ тоже лежала въ запасѣ, Крыловъ все-таки числился литераторомъ и самъ громко величался этимъ званьемъ. Благодаря этому онъ проникъ и въ кругъ литераторовъ, которыхъ было очень немного, и въ дома нѣкоторыхъ вельможъ, которые относились къ нему съ покровительствомъ.

Но скоро онъ испортилъ свое положеніе, благодаря своей заносчивости, задору и отчасти невоспитанности.

IV.

Въ то время среди писателей пользовался особымъ уваженіемъ и почетомъ Княжнинъ, авторъ трагедій „Дидона“, „Рославъ“, „Владисонъ“, „Титово милосердіе“ и др., которыя теперь совершенно забыты, но въ то время пользовались огромной извѣстностью.

Самъ Княжнинъ держалъ себя съ крайнимъ высокомѣріемъ и считалъ себя выше всѣхъ писателей. Даже жена его и дѣти относились ко всѣмъ свысока и съ презрѣніемъ.

Случилось, что жена Княжнина задѣла самолюбіе молодого Крылова, и онъ рѣшился отмстить за обиду.

Для этого онъ придумалъ и написалъ комедію „Проказники“, въ которой представилъ и Княжнина, и его жену, и всю семью въ самомъ грязномъ видѣ.

Его онъ назвалъ Риѳмокрадъ, жену его — Тараторой.

Соймоновъ принялъ ее на сцену, а Крыловъ самъ разгласилъ, что скоро въ театрѣ всѣ увидятъ Княжнина и его семейку. Княжнинъ возмутился. Соймоновъ, узнавъ въ чемъ дѣло, понятно, не поставилъ комедіи на сцену и даже измѣнилъ свои добрыя отношенія къ самому Крылову.

И здѣсь высказалась вся невоспитанность Крылова.

Княжнину онъ написалъ рѣзкое, оскорбительное письмо и цѣлый рядъ дерзкихъ писемъ къ Соймонову. Въ результатѣ онъ долженъ былъ уйти со службы и разстаться съ театромъ.

Прошли его первыя увлеченія, наступила вторая полоса — онъ ударился въ журналистику. И здѣсь его привлекали жажда славы и обогощенія.

Екатерина Великая создала въ Россіи „вѣкъ просвѣщенія“. Она сама писала и сказки, и разсказы, и статьи, и издавала журналы; сама писала пьесы и ставила ихъ на сценѣ. Она всячески поощряла и основанія типографій, и открытія книжныхъ лавокъ, и изданія журналовъ.

Журналовъ было много и въ числѣ ихъ появился новый, подъ названіемъ „Почта духовъ“, кото-

ый началъ издавать Крыловъ въ компаніи съ типографщикомъ Рахманиновымъ.

Рахманиновъ тратилъ на изданіе деньги, Крыловъ наполнялъ журналъ своими статьями. Всѣ онѣ были сатирическія, цѣль ихъ была осмѣяніе нравовъ тогдашняго общества. Журналъ этотъ выходилъ съ января до августа 1789 года и прекратился потому, что не имѣлъ никакого успѣха.

Но Крыловъ былъ упрямъ.

Въ 1791 году появляется его новый журналъ „Зритель“; также прекращается, а въ 1793 году „Петербургскій Меркурій“ и также безъ успѣха.

Крыловъ понялъ, что онъ и не журналистъ. Что же онъ? Изъ всѣхъ произведеній, которыя ему удавались болѣе другихъ, это были комедіи и сатиры, но время ихъ прошло.

Наступила третья полоса жизни Крылова. Онъ былъ молодъ, непомѣрно силенъ, любилъ и поѣсть, выпить и вотъ онъ весь отдался веселой безпѣльной жизни.

Онъ уѣхалъ изъ Петербурга и сталъ жить у знакомыхъ богатыхъ помѣщиковъ, ѣздить по ярмаркамъ, кутить и играть въ карты.

Случалось ему и выигрывать. Такъ въ Ригѣ онъ выигралъ однажды 30,000 рублей.

Эта полоса, поистинѣ безпутной жизни, тянулась него до времени воцаренія Александра I, т.-е. до 801 года.

Онъ оказался въ это время въ Петербургѣ. Его нитали литераторомъ съ извѣстнымъ именемъ; онъ ылъ друженъ съ артистами, художниками, богаыми людьми. Въ это время онъ написалъ двѣ новыхъ комедіи: „Урокъ дочкамъ“ и „Модная лавка“. Модная лавка“ имѣла громадный успѣхъ. Въ ней ло и весело осмѣивались модницы.

Въ это же время въ Петербургѣ и Москвѣ наинается вражда противъ Наполеона, начинаютъ

пробуждаться патріотическія чувства, и Крыловъ, по просьбѣ князя Шаховского, написалъ оперу „Илья-Богатырь“. И она имѣла большой успѣхъ, но не того искалъ Крыловъ.

Къ этому времени онъ уже понялъ недостатокъ своего образованія, понялъ, какъ вредятъ ему злой языкъ и самомнительность, понялъ, что у него есть талантъ, но онъ не нашелъ еще своего призванія и осторожно, ощупью сталъ искать его.

Случайно въ 1805 году онъ перевелъ басню Лафонтена „Дубъ и Трость“ и показалъ ее знаменитому тогда баснописцу, Дмитріеву.

Тотъ похвалилъ ее и сказалъ Крылову: „Это истинный вашъ родъ. Наконецъ, вы нашли его“.

Это понялъ и Крыловъ.

И вотъ онъ сталъ писать басни, вначалѣ беря темы у Лафонтена, но передавая ихъ чисто русскимъ языкомъ и влагая въ нихъ яркія свойства русскаго духа. Сначала онъ читалъ ихъ среди своихъ знакомыхъ и успѣхъ его басенъ былъ таковъ, что его всѣ звали наперерывъ другъ къ другу. Кругъ его знакомыхъ расширялся и на каждомъ собраніи всѣ съ нетерпѣніемъ интересовались узнать „прочтетъ ли что-нибудь Крыловъ?“—Прочтетъ!—и лица всѣхъ озарялись улыбками.

Читалъ онъ свои басни мастерски и приводилъ ими всѣхъ въ восторгъ.

Теперь Крыловъ нашелъ свое призванье.

Огромный, тяжелый, любящій поѣсть, онъ охотно посѣщалъ знакомыхъ, былъ всегда остроуменъ, незлобенъ и ласковъ.

Какъ-то сразу онъ отлился въ того массивного Крылова, который такъ удивительно изображенъ на памятникѣ.

Маститый старецъ Дмитревскій, къ которому приходилъ юноша Крыловъ, теперь встрѣтилъ его, какъ

стараго друга, и радостно привѣтствовалъ его талантъ.

Они стали друзьями.

Крыловъ приходилъ къ нему, и они садились за сытный вкусный обѣдъ, ѣли до пресыщенья, потомъ надѣвали халаты и укладывались спать.

Но больше всѣхъ Крыловъ подружился съ домомъ Оленина, который тогда считался центромъ русскихъ патріотовъ.

Здѣсь Крыловъ считалъ себя, какъ дома, здѣсь для него было особое мягкое кресло, здѣсь жена Оленина, Елизавета Марковна, ласково звала его „Крылышко“.

Также онъ сдружился и съ княземъ Шаховскимъ, у котораго собирались литераторы. Крыловъ поселился въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ и Шаховской на Морской у Синяго моста. На вечерахъ у князя ни чтенье, ни чаепитье не начиналось раньше, чѣмъ придетъ Иванъ Андреевичъ.

Соберутся всѣ. Князь Шаховской говоритъ женѣ:

— Теперь, кажется, уже всѣ налицо. Хорошо бы чайку!

— Нѣтъ еще Ивана Андреевича,—отвѣчала жена и тотчасъ посылала за Крыловымъ.

Онъ являлся огромный, добродушный, погружался въ кресло и молча слушалъ, никогда не высказывая своего мнѣнія о прочитанномъ. Подъ конецъ вечера всѣ обращались къ нему съ просьбою „прочесть басенку“. Онъ вынималъ измятый листикъ и начиналъ чтенье. Послѣ него уже не читалъ никто: не рѣшались.

У Шаховского онъ прочелъ первую свою собственную, незаимствованную басню „Ларчикъ“, а потомъ „Оракулъ“.

Слава Крылова росла, но это была еще слава среди друзей и писателей.

Самъ Крыловъ былъ равнодушенъ къ этой сла-

вѣ. Тяжелый, лѣнивый, спокойный, онъ любилъ больше всего хорошо покушать. На литературные вечера князя Шаховского онъ ходилъ только ради хорошаго ужина.

Любилъ онъ тяжелыя русскія блюда и особенно жирную кулебяку. Друзья наперерывъ старались ему угодить, угощая на-славу.

Любилъ въ то время онъ и гулять, идя медленной, тяжелой походкой съ тростью въ рукѣ. Раннею весною мѣстомъ гулянья петербужцевъ былъ Невскій проспектъ и Адмиралтейская набережная, и на нихъ всегда можно было встрѣтить Крылова. Также весною его можно было видѣть на Биржѣ, что на Васильевскомъ островѣ за накрытымъ столикомъ подлѣ лавки, гдѣ онъ десятками истреблялъ устрицъ.

Въ то далекое время время весною Биржа особенно оживлялась и обращалась въ мѣсто веселаго гулянья и встрѣчъ. Къ Биржѣ подходили иностранные корабли съ самымъ разнообразнымъ товаромъ. Въ наскоро сколоченныхъ изъ досокъ лавкахъ торговали только-что привезенными устрицами, заграничными винами, сигарами, паштетами. Любители вкусно поѣсть пріѣзжали на Биржу пробовать новинки. Здѣсь же стояли клѣтки съ обезьянами, кричали и болтали попугаи, продавалась рѣдкая собачка или ангорская кошка.

Эти гулянья Крыловъ посѣщалъ постоянно. Любилъ онъ смотрѣть и на фокусниковъ, и на кулачные бои; пожары же составляли его страсть и онъ не лѣнился подняться съ кровати ночью и ѣхать на пожаръ, хотя бы на край города.

Онъ былъ одинокимъ холостякомъ, но не тяготился этимъ. Мать его давно умерла, единственный братъ, Левъ, служилъ на югѣ въ военной службѣ.

Такъ жилъ Крыловъ, еще не обратившійся въ „дѣдушку“.

V.

Въ 1809 году Крыловъ выпустилъ отдѣльною книжкой свои басни. Ихъ было всего 23, начиная съ басни „Дубъ и Трость“ и кончая басней „Пѣтухъ и жемчужное зерно“. Успѣхъ этой книжки былъ необычайный. До нея еще ни одна книжка на Руси не имѣла такого успѣха. Басни его сразу проникли и во дворецъ, и въ чертоги вельможъ, и въ бѣдные дома, и въ самые отдаленные уголки Россіи.

Ихъ учили наизусть, по нимъ стали учить дѣтей грамотѣ и, вмѣстѣ съ грамотой, стали учиться чести и правдѣ. Онѣ будили и умъ, и сердце и свѣтлымъ лучомъ прорѣзали тьму невѣжества.

Слава его сразу выросла на всю Россію. Поэты и писатели осаждали его просьбами выслушать ихъ произведенія, его мнѣніемъ дорожили и художники, и музыканты, отъ приглашеній въ гости не было отбою, его узнавали на улицахъ,—но онъ оставался вѣренъ только Олениным̀ъ да Шаховскимъ.

Князь Шаховской рѣшилъ основать общество „Бесѣды“, гдѣ сходились бы всѣ писатели и читали свои произведенія. Крыловъ былъ тамъ всегдашнимъ гостемъ, но обыкновенно дремалъ, только подъ конецъ вечера читалъ какую-нибудь свою басню.

Это были скучные вечера. Бездарные писатели и поэты читали другъ за другомъ свои произве-

денья, а присутствующіе ихъ слушали въ уныломъ молчаніи.

Иногда поднимались разговоры о томъ, какъ оживить эти скучные собранія.

Умному Крылову они были иногда въ тягость и вотъ онъ однажды прочелъ свою басню „Квартетъ“, а въ другой разъ „Демьянову уху“.

Читали какую-то длинную скучнѣйшую пьесу. Всѣ изнемогали. Позднѣе всѣхъ въ собраніе пріѣхалъ Крыловъ. Присутствующіе оживились и стали шепотомъ спрашивать: „Привезли что-нибудь, Иванъ Андреевичъ?“ „Привезъ“! „Пожалуйте посмотрѣть“. „Послѣ“! Наконецъ, къ общей радости, пьеса окончилась. Всѣ обратились къ Крылову. Онъ неспѣшно полѣзъ въ карманъ, вынулъ измятый листокъ и со своимъ удивительнымъ искусствомъ прочелъ „Демьянову уху“.

Наступилъ знаменитый 1812-й годъ. Въ предѣлы Россіи ворвался Наполеонъ съ двадцатью языками. Загорѣлась Отечественная война, и здѣсь Крыловъ, поддерживая духъ и бодрость встревоженнаго общества, написалъ свои басни „Котъ и поваръ“, „Котъ и щука“, „Ворона и курица“ и „Волкъ на псарнѣ“.

Эту басню жена Кутузова послала мужу въ лагерь.

Онъ былъ тогда въ Тарутинѣ. Прочитавъ басню, онъ собралъ офицеровъ и сказалъ имъ:

— Послушайте, что написалъ нашъ Крыловъ про меня и Наполеона!

И началъ читать:

Волкъ, думая попасть въ овчарню,
Попалъ на псарню...

Когда онъ дошелъ до словъ „ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ!“, то снялъ фуражку и, потрясая сѣдой головой, сталъ читать дальше:

И волчью я твою натуру знаю...

Дружный хохотъ сопровождалъ чтеніе. На другой день басню читали по всему лагерю.

Въ январѣ 1812 года была основана Императорская Публичная Библіотека, директоромъ которой былъ Оленинъ, и во вниманіе къ заслугамъ Крылова его назначили помощникомъ библіотекаря.

Эта должность была вполнѣ по немъ, лѣнивому и безпечному. Библіотекарь Сопиковъ дѣлалъ все дѣло. Въ томъ же году за его басни государь назначилъ ему пожизненную пенсію въ 1.500 рублей.

Теперь Крыловъ былъ обезпеченъ и матеріально и могъ спокойно предаться своей лѣни.

Не придерживаясь никакихъ партій, онъ былъ вездѣ дорогимъ гостемъ: и у Жуковскаго, гдѣ собирались Пушкинъ, Гоголь, князь Вяземскій; и у Кукольника, и у Шаховского, не говоря о своихъ неизмѣнныхъ друзьяхъ Олениныхъ, гдѣ для него всегда стояло его кресло.

Впрочемъ, „свое кресло“ у него стояло вездѣ, гдѣ онъ бывалъ.

Скоро онъ получилъ казенную квартиру при библіотекѣ и почти совсѣмъ облѣнился.

Изрѣдка онъ спускался въ библіотеку, проводя все время у себя на диванѣ и оставляя свой домъ только для посѣщенія Олениныхъ, Шаховскихъ, графа Строганова или англійскаго клуба. Въ клубѣ онъ плотно обѣдалъ, потомъ игралъ въ карты или смотрѣлъ, какъ играютъ на бильярдѣ, а затѣмъ ѣхалъ домой и заваливался спать.

Письменнаго стола у него не было. Басни свои онъ писалъ то огрызкомъ карандаша, то попавшимся подъ руку перомъ на клочкахъ бумаги, обыкновенно лежа на своемъ диванѣ.

Дни его проходили, казалось, въ постоянной дре-

мотѣ, но иногда онъ вдругъ пробуждался и проявлялъ удивительную энергію.

Однажды онъ заспорилъ съ Гнѣдичемъ—переводчикомъ „Иліады“ Гомера—что выучить греческій языкъ ничего не стоитъ, и онъ берется его изучить въ двѣ недѣли.

Послѣ этого спора онъ заперся у себя и, дѣйствительно, успѣлъ изучить греческій языкъ настолько, что Гнѣдичъ, экзаменовавшій его, призналъ себя побѣжденнымъ.

Въ другой разъ онъ на пари, тоже въ двѣ недѣли, выучился жонглировать шарами, какъ заправскій балаганный жонглеръ.

Въ 1816 году, когда Крылову было уже 48 лѣтъ, вышла въ свѣтъ новая книжка его басенъ, и на него посыпались почести, хвалы и награды. Императрица Елизавета Алексѣевна наградила его драгоцѣннымъ перстнемъ, государь увеличилъ пенсію до 4.500 рублей, университеты прислали ему дипломы, вельможи приглашали его на обѣды и на праздники.

Но Крыловъ былъ равнодушенъ къ своей славѣ Онъ все болѣе погружался въ кажущуюся лѣнь и, издавъ третій сборникъ своихъ басенъ въ 1819 году, сообщилъ въ предисловіи, что этимъ изданіемъ оканчиваетъ свою дѣятельность. Понятно, это было замѣчаніе, сдѣланное только для того, чтобы имѣть возможность избавиться отъ приглашеній на вечера, для чтенія и отъ назойливыхъ издателей.

Въ 1825 году въ альманахахъ „Сѣверные цвѣты“ Дельвига стали снова появляться его басни, уже болѣе яркія, болѣе совершенныя. Можно думать, что въ лѣнивомъ покоѣ онъ отдѣлывалъ свои басни, какъ ювелиръ драгоцѣнные камни.

Къ этому же времени онъ началъ читать басни Эзопа въ подлинникѣ и нѣкоторыя изъ нихъ пере-

дѣлывать на русскій языкъ, отчего онѣ дѣлались совершенно народными баснями.

„До 1841 г. не перемѣнилъ Крыловъ ни службы, ни занятій, ни даже квартиры. Не перемѣнилъ онъ и друзей, но только многихъ пережилъ.

Одна и та же лѣстница, мимо Крылова, вела наверхъ, въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь къ литературѣ и одинаковыя отношенія къ дому Олениныхъ тѣсно связывали поэтовъ, хотя во многомъ велика была разница въ ихъ личности. „Умомъ своимъ всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, — говоритъ Плетневъ,—сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнью недѣятельною и неопрятной, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости—Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія“ Крыловъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, выходившихъ окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая, влѣво отъ нея, оставалась безъ употребленія, а послѣдняя—угольная, къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяину. Здѣсь, за перегородкой, стояла его кровать, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола. Приходившихъ къ нему

онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары, съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жара и дыма. При разговорѣ сигара ежеминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя изъ кухни черезъ залу, иногда съ пѣсенкой, приносила тоненькую восковую свѣчу безъ подсвѣчника, накапывала воска на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ своимъ господиномъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая зеренъ, привáдилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него, какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все кругомъ носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Ѣдучи поутру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и, хотѣлъ-было, ложась спать, позаняться, но такъ неосторожно держалъ передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ о его посѣщеніи“.

Всѣ привязанности одинокаго Крылова сосредоточились на братѣ, Львѣ Андреевичѣ. Едва онъ сталъ получать приличное содержаніе, какъ тотчасъ

началъ посылать брату пособія, интересуясь каждой мелочью его жизни.

Левъ Андреевичъ относился къ нему почти съ благоговѣніемъ и называлъ его въ письмахъ „тятенькой“. Басни его онъ зналъ наизусть, радовался всѣмъ отличіямъ и успѣхамъ брата и писалъ ему длинныя письма. Самъ же Крыловъ посылалъ ему всѣ свои книги, отзывы о себѣ, копіи съ указовъ и разныхъ дипломовъ, посылалъ деньги, но самъ почти не писалъ.

VI.

Съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка басни Крылова стали переводиться на иностранные языки и первые французы оцѣнили нашего баснописца. Теперь нѣтъ языка, на который не были бы переведены его басни.

Слава его росла, и онъ иногда бывалъ тронутъ выраженіемъ къ нему почтенія и восторга.

Однажды лѣтомъ онъ шелъ по улицѣ, гдѣ передъ каждымъ домикомъ были разбиты садики, и вотъ онъ издали замѣтилъ, что въ одномъ изъ садиковъ играли дѣти, а подлѣ нихъ была дама, вѣроятно, мать. Онъ прошелъ мимо, случайно оглянулся и видитъ, что дама поочереди поднимаетъ дѣтей на руки и указываетъ каждому на Крылова.

Крыловъ потомъ разсказывалъ объ этомъ своимъ друзьямъ со слезами на глазахъ.

Сохранились анекдоты о Крыловѣ, относящіеся къ этому времени его славы.

Разъ проходящіе студенты, увидя грузную фигуру Крылова, громко сказали: „Вонъ туча идетъ“.—

„И лягушки заквакали“, тотчасъ отвѣтилъ Крыловъ.

Великій князь Николай Павловичъ, будучи наслѣдникомъ, встрѣтилъ Крылова и сказалъ ему: „Давненько я тебя не видѣлъ“.—„А, кажись, сосѣди, ваше высочество“,—отвѣтилъ Крыловъ.

Онъ жилъ въ то время въ Публичной библіотекѣ, а Николай Павловичъ — черезъ площадь — въ Аничковскомъ дворцѣ.

Въ другой разъ Николай Павловичъ встрѣтилъ его гуляющимъ на набережной и сказалъ: „Какъ я не выйду, все тебя встрѣчаю. И когда ты дѣломъ занимаешься?“—„А я только-что, ваше высочество, этому на васъ дивился“, сказалъ Крыловъ.

Въ 1823 году императоръ Александръ 1-ый выдалъ Крылову 10.000 рублей на изданіе его басенъ. Это была его послѣдняя милость. Въ 1825 году онъ скончался.

Крыловъ тотчасъ подумалъ о братѣ, который всегда нуждался, и послалъ ему деньги, чтобы онъ купилъ себѣ хуторъ и жилъ въ немъ безбѣдно.

Въ этомъ году съ нимъ случился отъ тучности ударъ, отъ котораго искривилось его лицо.

Еле-еле онъ дотащился до дома своихъ друзей, Олениныхъ, которые жили на Фонтанкѣ противъ Обуховской больницы, и чуть внятно сказалъ Елизаветѣ Марковнѣ: „Вѣдь, я сказалъ, что скоро приду умереть у ногъ вашихъ — взгляните на меня“.

Оленины оставили Крылова у себя до выздоровленія, а весною императрица Марія Ѳеодоровна, переѣхавъ въ Павловскъ, сказала А. Н. Оленину: „Перевезите Крылова ко мнѣ. Онъ у меня скорѣе поправится“. Крылова перевезли въ Павловскъ и онъ, дѣйствительно, быстро оправился и выразилъ свою благодарность императрицѣ, написавъ ей въ альбомѣ свою басню „Василекъ“.

Этотъ альбомъ лежалъ на столѣ въ „Розовомъ павильонѣ“.

Вообще Крыловъ пользовался особою милостью вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и часто обѣдалъ у нея въ Павловскѣ, въ кругу литераторовъ, которыхъ любила приглашать государыня. Онъ не стѣснялся, слѣдуя влеченію своего аппетита. А. Н. Оленинъ, зная, что императрица любила, по русскому обычаю, потчивать, сказалъ Крылову: „Да уймись, Иванъ Андреевичъ, будь немножко повоздержнѣе: дай же государынѣ возможность хоть чѣмъ-нибудь попотчивать“.—„А, ну, какъ не попотчуетъ?“ тихо отвѣчалъ Крыловъ и все-таки наложилъ себѣ полную тарелку. Однажды, наканунѣ обѣда у императрицы, Крылова укусила въ лицо муха. Иванъ Андреевичъ извѣстилъ фрейлину Ушакову о невозможности явиться на обѣдъ слѣдующимъ письмомъ въ стихахъ:

Варвара Павловна!
Обласканный не по заслугамъ,
И вамъ, и вашимъ всѣмъ подругамъ
Крыловъ изъ кельи шлетъ поклонъ,
Гдѣ, мухою укушенъ онъ,
Сидитъ раздутъ, какъ купидонъ,
Но не пафосскій и не критскій,
А иль татарскій, иль калмыцкій!
Что жъ дѣлать? Надобно терпѣть!..
Но, чтобъ у боли сбавить силы,
Нельзя ль меня вамъ пожалѣть?
Вы такъ добры, любезны, милы,—
Нельзя ль уговорить подругъ,
Чтобъ вспомнить бѣднаго Крылова,
Когда десертъ пойдетъ вокругъ?..
Повѣрьте, онъ изъ вашихъ рукъ—
Лекарствомъ будетъ для больного...

За обѣдомъ императрица, дѣйствительно, замѣтила отсутствіе Крылова, и когда прочла его посланіе къ Ушаковой, тотчасъ послала баснописцу фруктовъ и конфектъ.

Умеръ императоръ Александръ Благословенный, на престолъ вступилъ Николай Павловичъ, и Крыловъ такъ же былъ обласканъ царской фамиліей, какъ и въ предыдущія царствованія.

Насколько цѣнилъ императоръ нашего баснописца, можно судить по тому, что на Новый годъ онъ послалъ своему сыну, наслѣднику Александру Николаевичу, въ подарокъ бронзовый бюстъ Крылова.

Крыловъ продолжалъ вести ту же монотонную лѣнивую жизнь.

Разъ онъ встрепенулся.

Продавъ Смирдину за 30.000 рублей изданіе своихъ басенъ, онъ задумалъ ѣхать за-границу и сталъ уговаривать Гнѣдича ѣхать съ нимъ.

Гнѣдичъ отказался и поѣздка разстроилась. Тогда отъ скуки Крыловъ рѣшилъ измѣнить обстановку своей квартиры и издержать деньги на убранство комнатъ. Явилась мебель отъ Гамбса и картины въ новыхъ золоченыхъ рамахъ; полы устланы англійскими коврами. На великолѣпной горкѣ краснаго дерева, лучшей, какая была въ магазинѣ, разставлены фарфоръ и другія бездѣлушки; Крыловъ завелъ нѣсколько дюжинъ полотняннаго и батистоваго бѣлья и богатый хрусталь. Онъ пригласилъ на обѣдъ Олениныхъ и друзей, но это былъ первый и послѣдній опытъ. Чрезъ двѣ недѣли картина измѣнилась. Пыль и паутина снова покрывали мебель и картины, на коврѣ разсыпанъ овесъ, по старому пируютъ голуби — его пріятели и гости,—а онъ съ сигарой на диванѣ лѣниво тѣшится ихъ аппетитомъ и воркованьемъ. При входѣ каждаго посѣтителя голуби быстро поднимались съ ковра и, разлетаясь по комнатѣ, садились на

бронзу и картины, а хрусталь на красной горкѣ звенѣлъ, убавляясь съ каждымъ днемъ.

Еще затѣялъ однажды Крыловъ устроить у себя садъ. Накупилъ до 30 кадокъ съ деревьями лавровыми, миртовыми, лимонными, апельсинными и украсилъ квартиру такъ, что съ трудомъ между ними проходилъ. Разумѣется, и этотъ его садъ скоро „завялъ и засохъ“.

Такъ проводилъ онъ годы на своемъ диванѣ, принимая иногда посѣтителей, которые никогда его не забывали.

„Что сказалъ Крыловъ?“ интересовался знать каждый авторъ новаго произведенія. Его замѣчаніями пользовались охотнѣе всего молодые таланты. Глядя на него, въ самомъ дѣлѣ трудно было повѣрить, „чтобы въ эту громадно-сплоченную твердыню могли проникнуть какія-нибудь страсти“, кромѣ какъ ко сну и ѣдѣ. Слыша жалобы молодыхъ людей на желудокъ, онъ говорилъ: „А я такъ, бывало, не давалъ ему потачки. Если что задуритъ, то я наѣмся вдвое, такъ онъ себѣ, какъ хочетъ, пусть развѣдывается“. Крыловъ говорилъ, что за столъ надобно садиться просторно, чтобы, какъ скрипачъ, свободно дѣйствовать правой рукою. Такъ и старался онъ садиться. За обѣдомъ онъ часто шутилъ. Съ забавнымъ остроуміемъ разсказывалъ онъ исторію ботвиньи — черезъ какія усовершенствованія она прошла до современной формы. Кромѣ какъ для обѣдовъ онъ избѣгалъ выѣзжать. Когда на одномъ изъ засѣданій покойной россійской академіи предложено было чаще собираться, Крыловъ согласился со всѣми, но съ важностью прибавилъ: „За исключеніемъ конечно почтовыхъ дней“, какъ бы забывая, что въ столицѣ почта отправлялась уже давно ежедневно.

Такъ подошелъ 1838 годъ, въ которомъ вѣнчали его славой. Крыловъ былъ уже настоящимъ „дѣдушкой“.

Ему шелъ 70-й годъ.

Какъ-то, въ концѣ 1837 года, Крыловъ проговорился, что въ слѣдующемъ году исполняется 50 лѣтъ со времени появленія въ печати перваго его сочиненія.

Слова эти подхватилъ писатель Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (авторъ драмы „Рука Всевышняго отечество спасла“) и тотчасъ предложилъ отпраздновать „полувѣковой юбилей ветерана русской словесности“. Такъ какъ такое чествованіе литературныхъ заслугъ являлось въ Россіи въ первый разъ, то рѣшено было испросить разрѣшеніе высшаго начальства. Н. И. Гречъ, редакторъ *Сѣверной Пчелы,* составилъ записку отъ имени многихъ русскихъ литераторовъ и представилъ ее шефу жандармовъ, генералу графу Бенкендорфу. Послѣдній доложилъ записку императору Николаю Павловичу, который разрѣшилъ празднованіе юбилея, предоставивъ исполненіе его министру Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уварову (впослѣдствіи графу). Немедленно открыта была подписка и составленъ особый юбилейный комитетъ, постановившій устроить въ честь Крылова обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія (помѣщавшагося тогда на Невскомъ проспектѣ). Днемъ празднованія юбилея избрано было 2-е февраля, — день, когда Крылову исполнилось ровно 70 лѣтъ отъ рожденія.

Еще до начала торжества маститаго юбиляра пріѣхали поздравить ихъ императорскія высочества, тогда еще малолѣтніе великіе князья, Николай Николаевичъ (Старшій) и Михаилъ Николаевичъ.

Послѣ пріема высокихъ гостей за Крыловымъ

пріѣхали депутаты и повезли его въ Дворянское Собраніе, гдѣ состоялся роскошный банкетъ, причемъ для Крылова были изготовлены любимыя блюда. Залъ былъ ярко освѣщенъ и убранъ великолѣпно.

На видномъ мѣстѣ красовался щитъ съ буквами имени Крылова и числомъ 50, роскошно переплетенными и обвитыми цвѣтами и лаврами. Главный распорядитель торжества, А. Н. Оленинъ, предложилъ первый тостъ за здравіе государя императора. Второй тостъ предложенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія за здравіе великаго народнаго поэта. Тогда, среди радостныхъ восклицаній, раздался голосъ пѣвца: Петровъ, русскій Тамбурини, превосходно пропѣлъ куплеты князя Петра Андреевича Вяземскаго, для которыхъ сочинилъ музыку графъ Віельгорскій:

На радость полу-вѣковую
Скликаетъ насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ музой свадьбу золотую
Сегодня празднуетъ Крыловъ.
На этой свадьбѣ всѣ мы сватья,
И нечего таить вину,
Всѣ за-одно, всѣ безъ изъятья
Мы влюблены въ его жену.

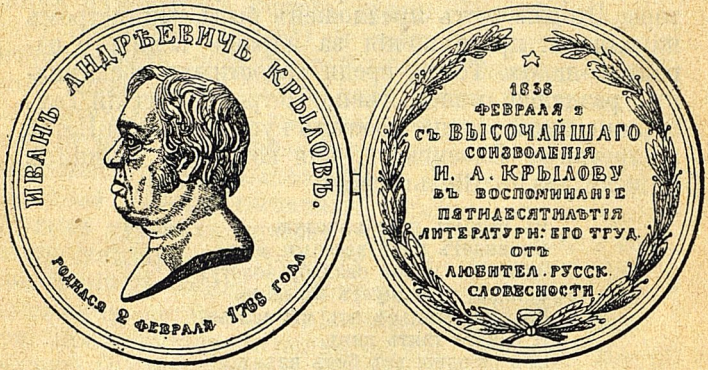
Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ намъ годовъ!
Здравствуй, съ милою женою,
Здравствй, дѣдушка Крыловъ!

Дамы присутствовали за обѣдомъ на хорахъ. Онѣ подошли къ периламъ съ бокалами шампанскаго, и, когда Крыловъ всталъ изъ-за стола и подошелъ къ хорамъ, чтобы благодарить ихъ, онѣ осыпали его цвѣтами и бросили ему сплетенный ими лавровый вѣнокъ.

Въ заключительной рѣчи, сказанной на юбилейномъ обѣдѣ А. Н. Олениным, предложено было

открыть подписку на выбитіе въ память юбилея Крылова особой медали, съ изображеніемъ виновника торжества и приличествующею надписью. Предложеніе было принято всѣми, и для осуществленія его испрошено было Высочайшее соизволеніе.

Юбилейная медаль доставлена была И. А. Крылову при письмѣ министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина. Въ ноябрѣ 1838 года Крыловъ, согласно



его желанію, получилъ отъ директора департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ списокъ лицъ и мѣстъ, которымъ, по распоряженію государя, доставлены были медали. Изъ этого списка видно, что золотыхъ медалей отчеканено было 35, серебряныхъ 20 и бронзовыхъ 60.

Газеты и журналы не переставали долго заниматься юбилеемъ Крылова и имъ самимъ; но самъ-то онъ вовсе этимъ не интересовался и ушелъ снова въ свой уголъ, на свой диванъ въ гостиной, гдѣ утопалъ въ облакахъ дыма, выкуривая въ день до 50 сигарокъ. По желанію великой княгини Маріи Николаевны, художникомъ Ухтомскимъ была

списана съ натуры комната, гдѣ занимался Крыловъ, и онъ самъ въ томъ видѣ, „въ какомъ одна только муза его видитъ, т.-е. въ шлафрокѣ“.

Слѣдомъ за этимъ торжествомъ Крылова посѣтили два горя.

Крыловъ получилъ отъ командира сообщенье о смерти брата отъ горячки. Послѣднія слова его были: „Ахъ, любезный братъ, ты не знаешь, какъ я боленъ“.

Смерть брата поразила Крылова. Онъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ. Никто не рѣшался спросить его, что съ нимъ и только три недѣли спустя онъ сталъ приходить въ себя.

Тогда Е. М. Оленина спросила: „Что съ вами было, Крылышко? Вы на себя не похожи?“

— У меня былъ родной братъ, единственное существо на свѣтѣ, связанное со мною кровными узами. Недавно онъ умеръ. Теперь я остался одинъ,— тихо и грустно отвѣтилъ Крыловъ.

А спустя немного умеръ и его лучшій другъ, эта самая Елизавета Марковна Оленина.

Крыловъ плакалъ, какъ ребенокъ...

VII.

Въ 1841 г. Крыловъ оставилъ службу, съ пенсіей около 12,000 руб. асс., и поселился на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ купца Блинова, по 1-й линіи. Отсюда даже въ англійскій клубъ онъ сталъ выѣзжать довольно рѣдко. Страстный любитель музыки, онъ только разъ послѣ отставки, живя на

островѣ, вышелъ изъ своего логовища послушать знаменитую пѣвицу Віардо-Гарцію. Лучшіе друзья его были уже въ могилѣ. Лѣта, а особливо тучность отягощала его; сердце осиротѣло, онъ грустилъ. Посѣщаемый литераторами, онъ былъ, однако, разговорчивъ, ласковъ и всегда пріятенъ.

Патріархъ русской литературы, онъ пережилъ цѣлую плеяду молодыхъ поэтовъ: геніальнаго Пушкина и Грибоѣдова, Батюшкова и Лермонтова и др., Онъ остался одинъ передъ ихъ могилами, самъ уже усталый отъ жизни, пресыщенный славою и почестями.

Одинъ изъ желчныхъ поэтовъ того времени написалъ:

Державинъ спитъ въ сырой могилѣ,
Жуковскій пишетъ чепуху,
И ужъ Крылову не по силѣ
Сварить Демьянову уху.

Правда, писалъ онъ совсѣмъ мало, но все же писалъ и сравнительно сохранилъ бодрость духа.

Есть анекдотъ, относящійся къ этому времени.

Одинъ изъ пріятелей принесъ ему на просмотръ роскошно-изданную дорогую книгу съ рисунками.

Крыловъ сталъ ее разсматривать во время утренняго кофе и опрокинулъ на нее чашку. Книга была испорчена. Недолго думая, онъ положилъ ее на полъ, схватилъ изъ кухни ведро съ водою и сталъ поливать книгу.

Книга была спасена. Остался только чуть видный коричневый слѣдъ на краешкѣ листа.

Значитъ, не такъ уже опустился Крыловъ, если могъ справиться съ ведромъ воды и такъ находчиво выдти изъ бѣды.

Годъ спустя онъ былъ приглашенъ во дворецъ на маскарадъ. Передъ этимъ приглашеніемъ онъ пріѣхалъ въ осиротѣвшій домъ Олениныхъ.

Всѣ замѣтили, что онъ какъ-то странно задумчивъ.

— Что съ вами, дѣдушка? — спросила его Варвара Алексѣевна, старшая дочь Оленина, которую онъ особенно любилъ.

— Да вотъ бѣда: надо ѣхать во дворецъ, на маскарадъ, а не знаю, какъ одѣться.

— А вы бы, дѣдушка, побрились, помылись, одѣлись бы чистенько; васъ тамъ никто бы и не узналъ.

Всѣ разсмѣялись, но Крыловъ все же не придумалъ костюма. Наконецъ, по совѣту Каратыгина, баснописецъ нарядился въ костюмъ боярина-кравчаго.

Маскарадъ устроенъ былъ на англійскій манеръ. Кому достался кусокъ пирога со спрятаннымъ въ немъ бобомъ, тотъ былъ царемъ праздника. Къ этому-то царю Крыловъ, соотвѣтственно своей роли и костюму, обратился съ рѣчью:

По части кравческой, о царь, мнѣ рѣчь позволь,
И то, чего тебѣ желаю,
И то, о чемъ я умоляю,
Не морщась выслушать изволь.
Желаю, нашъ отецъ, тебѣ я аппетита,
Чтобъ на день разъ хоть пять ты кушалъ бы до-сыта,
А тамъ бы спалъ, да почивалъ,
Да снова кушать бы вставалъ.
Вотъ жить здоровая манера!
Съ ней въ годъ,—за это я берусь—
Ты будешь ужъ не бобъ, а будешь царь-арбузъ!
Отецъ нашъ, не бери ты съ тѣхъ царей примѣра,
Которые не лакомо ѣдятъ,
За подданныхъ не спятъ,
И только лишь того и смотрятъ, и глядятъ,
Чтобъ были всѣ у нихъ довольны и счастливы;
Но разсуди премудро самъ,
Что за житье съ такой заботой пополамъ?
И бѣднымъ кравчимъ намъ
Какой тутъ ждать себѣ награды?
Тогда хоть брось все наше ремесло,

Нѣтъ, не того бы мнѣ хотѣлось!
Я всякій день молюсь тепло,
Чтобы тебѣ, отецъ, пилось бы лишь да ѣлось,
А дѣло бы на умъ не шло.

Государю понравилось это стихотвореніе. Тогда Крыловъ просилъ позволенія прочесть басню „Вельможу“—которую почему-то не разрѣшали ему печатать. Она такъ понравилась царю, что онъ обнялъ Крылова, поцѣловалъ его и промолвилъ: „Пиши, старикъ, пиши“. Разумѣется, Крыловъ получилъ дозволеніе ее напечатать.

Это была его послѣдняя басня.

Какъ было указано выше, едва ли не единственной слабостью Крылова — было хорошо и плотно поѣсть.

„Ужинать перестану,—говорилъ онъ,—въ тотъ день, какъ перестану обѣдать“. Такъ и случилось. Въ англійскомъ клубѣ, гдѣ Крыловъ былъ членомъ 35 лѣтъ, онъ поѣлъ съ аппетитомъ за ужиномъ „тертыхъ рябчиковъ“. Вернувшись домой, онъ почувствовалъ несваренiе пищи въ желудкѣ, но не обратилъ на это вниманія. Крыловъ всегда надѣялся на свое здоровье.—Лечиться Крыловъ не любилъ, и, когда чувствовалъ себя нездоровымъ, обыкновенно, читалъ какіе-нибудь самые пустые романы.

Но въ этотъ разъ дѣло приняло дурной оборотъ, хотя самъ Крыловъ не подозрѣвалъ опасности. Онъ шутилъ, сравнивалъ себя съ крестьяниномъ, который, наваливъ на ослабѣвшую съ годами лошадь много рыбы, думалъ, что поклажа легка, потому что рыба была, во-первыхъ, сушеная, а, во-вторыхъ, прежде лошадь и больше возила... А, между тѣмъ, положеніе оказалось серьезно. Передъ утромъ 9 ноября 1844 г. Крыловъ почувствовалъ себя дурно и

слегъ въ постель; съ истинно-христіанскимъ чувствомъ пріобщился св. тайнъ; вспомнивъ, что напечатанное новое изданіе басенъ его еще не вышло въ свѣтъ, поручилъ разослать его на память друзьямъ; потомъ слабымъ голосомъ произнесъ: „Господи! Прости мнѣ прегрѣшенія мои!“ вздрогнулъ и опочилъ вѣчнымъ сномъ. Душеприказчикъ Крылова, генералъ-маіоръ Ростовцевъ, главный начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, свято исполнилъ его волю и разослалъ вышедшую книгу съ надписью, что книга посылается по предсмертному желанію покойнаго.

Смерть Крылова повергла въ печаль не только его друзей, но весь Петербургъ.

Интересна справка о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ басенъ Крылова, которыя написаны имъ по поводу тѣхъ или другихъ событій личной или общественной жизни.

Для этой цѣли много потрудился Кеневичъ, написавшій въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка статью „Библіографическія и историческія примѣненія къ баснямъ Крылова“. Послѣ него занимались этимъ изслѣдованіемъ еще многія лица, и вотъ, что намъ теперь извѣстно о нѣкоторыхъ басняхъ.

Басня „Оселъ и Соловей“ написана, по преданіямъ, по одному чрезвычайно любопытному поводу и показываетъ сознаніе Крыловымъ своей силы и значенія въ томъ родѣ поэзіи, который онъ избралъ. Какой-то вельможа, разсказывается у Кеневича, можетъ-быть, слѣдуя примѣру императрицы Маріи Ѳеодоровны, покровительствовавшей поэту, а можетъ-быть, искренно желая свести съ нимъ знакомство, призвалъ его къ себѣ и просилъ прочитать двѣ-три басни. Крыловъ артистически прочиталъ нѣсколько басенъ и между ними одну, за-

имствованную у Лафонтена. Вельможа выслушалъ ихъ благосклонно, и глубокомысленно сказалъ: „Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Ив. Ив. Дмитріевъ?“ — „Не умѣю“, скромно отвѣчалъ Крыловъ, а возвратившись домой, задѣтый за живое, вылилъ свою желчь въ баснѣ. „Квартетъ“ (1811 г.) написанъ, по разсказамъ однихъ, на открывшееся тогда литературное общество „Бесѣда любителей русскаго слова“, наподобіе государственнаго совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, съ предсѣдателями и попечителями въ каждомъ. Въ „Воспитаніи Льва“ несомнѣнно намекается на воспитаніе императора Александра Павловича иностранцемъ Лагарпомъ, не давшее „важнѣйшей науки для царей: знать свойства своего народа и выгоды земли своей“. Басня „Орелъ и Паукъ“ изображаетъ судьбу Сперанскаго; его Крыловъ не могъ особенно почитать и понимать, какъ не понималъ и Карамзина, видя въ нихъ чрезмѣрныхъ поклонниковъ европейской цивилизаціи. Послѣдній мотивъ заключается и въ „Лжецѣ“. Герой этой басни не только лжецъ и хвастунъ, но и характерный представитель людей, для которыхъ „славны бубны за горами“. „Что здѣсь у васъ за край?“ говоритъ онъ, — „то холодно, то очень жарко, то солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко. Вотъ *тамъ*-то прямо рай!..“

Годъ Отечественной войны, столь богатый крупнѣйшими событіями, послужилъ поводомъ Крылову къ созданію ряда басенъ. Первая изъ нихъ, „Раздѣлъ“, была обличеніемъ неумѣстнаго проявленія эгоистическихъ стремленій въ то время, когда Наполеонъ со своими полчищами уже грозилъ Россіи бѣдою. Басня не говоритъ опредѣленно о вещахъ и фактахъ, но Крыловъ напомнилъ соотечественникамъ, что нужно „общую бѣду встрѣтить дружнѣй“, а не затѣвать споровъ о выгодѣ

своей. Въ „Волкѣ на псарнѣ“ — передъ нами въ образѣ Волка самъ Наполеонъ, увидѣвшій уже всю неудачу своего похода и ищущій мира черезъ Лористона, со сладкими словами на устахъ. По одному разсказу, Крыловъ, собственною рукою переписавъ басню, отдалъ ее княгинѣ Кутузовой, которая переправила ее мужу. „Обозъ“ имѣетъ цѣлью оправдать медлительность дѣйствій Кутузова, котораго всѣ, не исключая императора, осуждали за „бездѣйствіе“. Кутузовъ и сравнивается Крыловымъ съ добрымъ конемъ, который несетъ на крестцѣ свой возъ, не измѣняя своего плана, несмотря ни на упреки, ни на порывы сподвижниковъ. „Ворона и Курица“ прямо говоритъ о голодѣ, которому подверглось уже въ Москвѣ войско Наполеона, вынужденное ѣсть воронъ. „Щука и Котъ“ написана по поводу извѣстной неудачи адмирала Чичагова, не сумѣвшаго, по тогдашнему представленію, пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину и тѣмъ возбудившаго общее негодованіе. Крыловъ изображаетъ его въ видѣ Щуки именно потому, что онъ не сухопутный полководецъ, а морской адмиралъ.

Чрезвычайно любопытна исторія басни „Троеженецъ“. По словамъ Греча, въ Сенатѣ производилось въ то время бракоразводное дѣло Фукса, который, разведясь съ первою женою и не дожидаясь окончанія дѣла, возникшаго по поводу его развода со второю, перешелъ изъ лютеранскаго исповѣданія въ православное и вступилъ въ третій бракъ. Дѣло разсматривалось въ общемъ собраніи Сената по Высочайшему повелѣнію не въ очередь. Кто-то изъ сенаторовъ замѣтилъ: „Что жъ намъ разсуждать объ этомъ? Крыловъ прежде насъ рѣшилъ дѣло“. Фуксъ очень сердился. Басня „Любопытный“, по своему происхожденію, напоминаетъ басню „Оселъ и Соловей“. Появились какіе-то стишки, въ которыхъ значились въ европейской

литературѣ три знаменитые баснописца, и всѣ трое Иваны: Лафонтенъ, Хемницеръ и Дмитріевъ; а Крыловъ, тоже Иванъ, въ ней упомянутъ не былъ. Говорятъ, по этому поводу и изображенъ „Любопытный“, слона-то и не примѣтившій. Въ „Кукушкѣ и Горленкѣ“ Крыловъ снова возвращается къ воспитанію русскихъ людей иностранцами, предостерегая, что нечего будетъ претендовать, если воспитанные этимъ путемъ люди не будутъ любить родину. Видно, что дорогъ былъ этотъ вопросъ Крылову, знавшему хорошо, за что можно любить его родину. О происхожденіи басни „Ахиллесъ и Осленокъ“ разсказываютъ слѣдующее: Крыловъ раза два позвалъ къ себѣ молодого писателя Катенина, и этотъ послѣдній началъ разсказывать, что Крыловъ надоѣлъ ему вѣчными приглашеніями; баснописецъ и изобразилъ его въ Осленкѣ. Крылову, несмотря на его исключительное положеніе, приходилось сталкиваться съ цензурой; этому обстоятельству и обязана происхожденіемъ басня „Кошка и Соловей“, заявившая, что „худыя пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки“. „Рыбьи пляски“ написаны, говорятъ по слѣдующему поводу:—Во время одного изъ своихъ путешествій по Россіи, императоръ Александръ I, въ какомъ-то городѣ, остановился въ губернаторскомъ домѣ. Готовясь уже къ отъѣзду, онъ увидѣлъ изъ окна, что по площади идетъ къ дому толпа. На вопросъ государя, губернаторъ отвѣтилъ, что это депутація отъ жителей, желавшая благодарить царя за благодѣянія для края. Государь отклонилъ пріемъ „депутатовъ“, а послѣ пошла молва, что толпа шла жаловаться на губернатора, получившаго, между тѣмъ, награду... Въ образѣ „Кукушки и Пѣтуха“ передъ нами Гречъ и Булгаринъ, которые, сдѣлавшись издателями *Сѣверной Пчелы*, восхваляли другъ друга кстати и некстати. Крыловъ не ща-

дилъ въ своихъ басняхъ и себя. Такъ, въ „Мельникѣ“, несомнѣнно, изображенъ онъ самъ со своею нѣсколько смѣшною и нерасчетливою бережливостью. Есть много въ басняхъ Крылова и другихъ намековъ, менѣе опредѣленныхъ. Конечно, главнѣйшее значеніе произведеній Крылова въ ихъ общемъ нравственномъ направленіи, которое съ особенною силою выразилось въ баснѣ „Орелъ и Пчела“, выставляющей идеалъ жизненный въ трудахъ на пользу людей. „Въ книгѣ его (Крылова),— говоритъ Гоголь,—всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ высшаго сановника и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы...“

VIII.

Едва умеръ Крыловъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія и президентъ академіи наукъ С. С. Уваровъ (впослѣдствіи графъ) представилъ императору Николаю Павловичу всеподданнѣйшій докладъ о дозволеніи соорудить памятникъ незабвенному русскому баснописцу.

Вслѣдъ за тѣмъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, учрежденъ былъ комитетъ для сбора пожертвованій и для распоряженій по сооруженію памятника, а въ журналахъ того времени, въ концѣ 1844 года, напечатано было особое приглашеніе о пожертвованіяхъ, обращенное ко всѣмъ русскимъ людямъ. Это приглашеніе подписали президентъ академіи наукъ С. С. Уваровъ, почетный членъ академіи

наукъ графъ Д. Н. Блудовъ, вицепрезидентъ академіи наукъ князь М. А. Дундуковъ-Корсаковъ, членъ академіи наукъ, князь П. А. Вяземскій, ректоръ петербургскаго университета Н. А. Плетневъ и душеприказчикъ Крылова генералъ Ростовцевъ.

По поводу открытія этого памятника въ объявленіи о подпискѣ на его сооруженіе князь Вяземскій писалъ: „Памятникъ Крылову воздвигнутъ будетъ въ Петербургѣ. И гдѣ же ему быть, какъ не здѣсь? Не здѣсь родился поэтъ, но здѣсь родилась и созрѣла слава его. Онъ былъ собственностью столицы, которая дѣлилась имъ съ Россіей. Не былъ ли онъ и при жизни своей живымъ памятникомъ Петербурга? Съ нимъ живали и водили хлѣбъ-соль дѣды нашего поколѣнія, онъ же забавлялъ и поучалъ дѣтей нашихъ. Кто изъ петербургскихъ жителей не зналъ его, по крайней мѣрѣ, съ виду? Кто не имѣлъ случая любоваться этимъ открытымъ широкимъ лицомъ, на которомъ отпечатлѣвалась сила мысли и отсвѣчивалась искра возвышеннаго дарованія? Кто не любовался этою могучей, обросшею сѣдыми волосами львиной головой, недаромъ приданною баснописцу, который также повелитель звѣрей; этимъ монументальнымъ, богатырскимъ дородствомъ, напоминающимъ намъ запамятованныя времена воспѣтаго имъ Ильи-богатыря? Кто, и не знакомый съ нимъ, встрѣтя его, не говорилъ: *„вотъ дѣдушка Крыловъ!“* и мысленно не кланялся поэту, который былъ близокъ каждому русскому“.

Мѣсто для памятнтка избрали въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ. Исполненіе и отливка памятника были поручены знаменитому нашему скульптору—барону Клодту,—тому, который создалъ великолѣпныхъ „быковъ“, четыре группы съ конями на Анич-

ковскомъ мосту и, наконецъ, памятникъ императору Николаю I.

Памятникъ Крылова является однимъ изъ красивѣйшихъ въ Россіи. Онъ изображенъ сидящимъ, съ книгою въ рукахъ, массивнымъ, въ просторномъ сюртукѣ, совершеннымъ „дѣдушкой Крыловымъ“. На пьедесталѣ памятника въ бронзовыхъ барельефахъ изображены дѣйствующія лица его басенъ и содержаніе нѣкоторыхъ. На одномъ барельефѣ „Демьянова уха“, на другомъ „Квартетъ“, дальше „Лисица и Виноградъ“, „Ворона и Лисица“. Звѣри большіе и маленькіе переданы съ изумительной живостью и выраженіемъ.

Отливка памятника и установка производились въ 1854 году, а самое открытіе 12 мая 1855 года, но событіе это произошло безъ особой торжественности.

Россія переживала тяжелое время. Только-что недавно (18 февраля) скончался императоръ Николай Павловичъ. Въ Крыму подъ Севастополемъ гремѣли непріятельскія пушки и потоками лилась кровь.

Даже въ газетахъ едва промелькнуло сообщеніе объ открытіи Крылову памятника...

конецъ.

Изданія Д. П. ЕФИМОВА, Москва,

Мал. Дмитровка, Дегтярный пер. д. 10.

Всѣ книги, отмѣченныя знакомъ *, Особ. Отд. Учен. Ком. М-ва Нар. Просв. допущены въ библіотеки подвѣдомств. ему учебн. завед., а также въ безпл. народн. читальни и библіотеки. Отмѣченныя знакомъ **, рекомендованы Главн. Управл. военно-учебн. завед. для чтенія воспитан. кадет. корпус. Отмѣченныя знакомъ ***, одобрены обоими указанными вѣдомствами.

I. Книги для дѣтей.

Амичисъ. *Дѣтскіе подвиги. Съ рис. Ц. 50 к.

Архангельская, М. В. *На тюленьемъ промыслѣ. Съ рис. Ц. 30 к. Рождественскій подарокъ. Съ рис. (печ.).

Ачкасовъ, А. Н. *Путешествіе эльфа по кровеноснымъ сосудамъ человѣка. Съ рис. Ц. 20 к.

Бернетъ, Ф. Маленькая подвижница. Перев. А. Рождественской. Съ рис. Ц. 25 к. Чудный городъ. Съ рис. (печ.).

Бѣлоусовъ, И. Въ родныхъ поляхъ. Съ рис. Ц. 20 к. *Птичья стайка. Изд. 4-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Верн̀ъ, Жюль. *Вторая родина. Романъ. Съ рис. Ц. 1 р. *Путешествіе стипендіатовъ. Съ рис. Ц. 60 к.

Гавалевичъ. *Рождественскій канунъ. Съ рис. Ц. 20 к.

Гофманъ, І. Бабушкина сказка. Въ пещерѣ горнаго духа. Съ рис. (печ.). *Снѣжная принцесса. Изд. 3-е. Сказка. Съ рис. Ц. 15 к.

Диккенсъ, Ч. Нелюбимая дочь. Съ рис. (печ.).

Доганови̇чъ, А. *Пѣсенка маятника. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к.

Д—ъ, Е. Н. Въ лѣсу. Съ рис. (печ.). *Митькъ. Разсказъ. Съ рис. Ц. 40 к.

Додэ, А. Брошенный ребенокъ. Съ рис. (печ.).

Жебаръ. *Пія и Викторинъ. Историч. пов. изъ временъ борьбы императоровъ съ папами. Перев. В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

Заринъ, А. Веселое Рождество. Съ рис. Ц. 30 к. Мой первый сюртукъ. Съ рис. (печ.). Нашъ журналъ. Съ рис. Ц. 35 к. Пимпа. Мордухай Пинкусъ, нашъ общій ученикъ. Съ рис. Ц. 30 к. Секретъ Забуцкаго. Куртъ. Съ рис. Ц. 30 к. Сѣверный богатырь. Съ рис. (печ.).

Кардо-Сысоева, Н. *Въ новой семьѣ. Съ рис. Ц. 40 к.

Киплингъ, Р. *Смѣлые мореплаватели Съ рис. Ц. 50 к. *Три разсказа изъ „Книги Дебрей“: 1) Братъ волковъ. 2) Похищеніе лягушонка. 3) Тигръ! Тигръ! Перев. В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 50 к. *Два разсказа изъ „Книги Дебрей“: 4) Бѣлый тюлень. 5) Рикки-Тикки-Тави. Перев. В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 30 к. *Два разсказа изъ „Книги Дебрей“: 6) Слоновій Тумай. 7) Слуги королевы. Перев. В. Кошевичъ. Съ рис. Ц. 30 к. „Книга Дебрей“. Въ переплетѣ. Ц. 1 р. 60 к.

Клаусманъ. Подъ боевымъ огнемъ. Съ рис. Ц. 30 к.

Коваленская, А. Разсказы и сказки для дѣтей. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. *Геніальный поморъ. Изд. 9-е. Съ рис. Ц. 30 к. *Живая бумага. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 1 р. *Жизнь. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к. Золотые сны. Съ рис. Ц. 30 к. *Красный звонъ. Сборникъ разсказовъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к. *Новая звѣздочка. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. 25 к. *Пальмовая вѣтвь. Сборникъ разск. и стих. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к. Приключенія Спиридона. Съ рис. (печ.). *„Утро“. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Левицкій, И. *Два брата. Сказка. Пер. съ малорос. Н. Перелыгина. Съ рис. Ц. 25 к.

Левицкій, П. *Андрейка-мытарь. Изд. 2-е. Разсказъ. Съ рис. Ц. 25 к. На солнышкѣ. Съ рис. (печ.).

Лукашевичъ, Кл. *Бѣлая уточка. Дочь пастуха. Съ рис. Ц. 15 к. *Два брата. Убогій дѣдъ. Съ рис. Ц. 20 к. *Два горбуна. Съ рис. Ц. 20 к. *Двѣ сестры. Съ рис. Ц. 30 к. *Козликъ-золотые рожки. Съ рис. Ц. 15 к. *Колечко. Съ рис. Ц. 20 к. *Наши любимцы. Съ рис Ц. 20 к. Нелюбимая подруга. Первые шаги. Съ рис. Ц. 40 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Безъ пристанища. Съ рис. (печ.). Водолазъ и др. разсказы. Съ рис. (печ.). *Волшебная книга. Съ рис. Ц. 25 к. *Во ржи. Съ рис. Ц. 25 к. *Ворона и ея знакомые. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к. Въ лопухахъ. Съ рис. Ц. 30. Въ подполѣ. Съ рис. Ц. 25 к. *Души живыя. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. *Дядя Вакъ. Разсказъ. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 30 к. *Канарейка. Разсказъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. *Картинки современной жизни. Съ рис. Ц. 35 к. Кузнецы-кузнечики. Съ рис. Ц. 30 к. Лѣсные разбойники. Съ рис. (печ.). Мазепа. Съ рис. (печ.) *На вершинахъ деревьевъ. Съ рис. Ц. 30 к. *На зарѣ. Сонъ въ руку. Съ рис. Ц. 20 к. Несчастья Ивана Ивановича. Съ рис. Ц. 25 к. *Ничипоръ-Бородай. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. Новый мальчикъ. Съ рис. (печ.). Пещера крота. Съ рис. Ц. 25 к. Поэтъ-гражданинъ (Н. А. Некрасовъ). Съ рис. (печ.). Приключенія стрекозы, разсказанныя ею самой. Съ рис. Ц. 25 к. *Пѣтухъ Османка. Съ рис. Ц. 25 к. **Рыцарь большого меча. Легенда и быль. Съ рис. Ц. 40 к. Сборникъ разсказовъ. Съ рис. (печ.). Тайна алхимика. Съ рис. (печ.). Трудный букварь (изъ дѣтскихъ лѣтъ И. С. Никитина). Съ рис. (печ.)

Львова, М. А., кн. *Мой дѣдъ (2 разсказа). Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. *Сынъ моряка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 15 к. *Теплое сердце (2 разсказа). Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

Мельницкая, А. *Красивый мальчикъ. Съ рис. Ц. 20 к. Левка. Съ рис. (печ). Слѣпой дѣдъ. Съ рис. (печ.).

Можаровскій, А. Ѳ. *Разсказы кота въ сапогахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. *Бѣлый витязь. Изд. 2-е. Ц. 1 р. *Лопь бѣлоглазая. Ц. 50 к. *Новая Земля и Байгачъ. Ц. 30 к. *Очертя голову (На краю гибели). Ц. 1 р. 50 к. *Племена глухихъ угловъ. Ц. 1 р. *Разсказы о Божьей правдѣ. Ц. 75 к. *Чудныя страны и прост. люди. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Нюбломъ, Е. Новыя сказки. Съ рисун. Ц. 30 к.

Осиповъ, Н. *Бобыль. Истор. повѣсть XVI вѣка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к. Очерки родного края. Вып. І. На Новой Землѣ. Въ шхерахъ. Кемское побережье. Новый Годъ на Печорѣ. На верховьѣ Волги. Съ рис. Ц. 50 к. Очерки родного края. Вып. ІІ. Одесса. Пасха въ Черниговѣ. Астраханьбаку. Самара. Златоустъ. Варшава. Въ степи. Съ рис. Ц. 60 к.

Перелыгинъ, Н. И. *Божья мысль. Съ рис. Изд. 4-е. Ц. 30 к. *Былое. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. *Въ своемъ гнѣздышкѣ. Разсказы изъ естествен. исторіи. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. Добрыя дѣти. Съ рис. Ц. 30 к. Жизнь на волѣ. Съ рис. Ц. 30 к. *Кузнецъ-механикъ. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 20 к. Лѣтней порою. Сцены изъ жизни птицъ, насѣкомыхъ и растеній. Съ рис. Ц. 30 к. *Любящая душа. Изд. 2-е. Перев. съ малоросс. Съ рис. Ц. 25 к. Маленькая Мелася и др. разсказы. Съ рис. Ц. 30 к. *Молитва ребенка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. *Неожиданный гость. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. *Огоньки. Разсказы. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 30 к. *Пастухъ и дѣвочка. Маленькій Тарасъ. Съ рис. Ц. 30 к. *Приключенія одного воробушка. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к. *Рыбакъ и его дочка. Разсказъ. Съ рис. Ц. 25 к. *Сиротка Маруся. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 25 к. *Сиротки. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 15 к. *Сынокъ-кормилецъ. Изд. 4-е. Съ рис. Ц. 25 к. *Черевички. Повѣсть. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 20 к.

Поливанова, Е. Исторія одного котенка. Съ рис. Ц. 40 к. *Находка. Разсказъ. Изд. 5-е. Съ рис. Ц. 25 к.

Поль, А. *Въ муравьиномъ царствѣ. Улитка. Съ рис. Ц. 20 к. *Не безъ добрыхъ людей. Съ рис. Ц. 20 к. *Послѣ урока. Съ рис. Ц. 25 к.

Поповъ, В. А. Милосердный орелъ и др. легенды и сказки. Съ рис. Ц. 25 к. *По островамъ Ладожскаго озера. Съ рис. Ц. 40 к.

Радичъ, В. *Богданъ Хмѣльницкій. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 50 к. Искра любви. Сборн. разсказовъ. Съ рис. Ц. 80 к. Искра любви. Романъ. Чабаны. Съ рис. Ц. 30 к. На медвѣдя. Удачный выстрѣлъ. Каменоломни. Съ рис. Ц. 30 к. *По Абиссиніи. Съ рис. Ц. 50 к. Ясная Слобода. Воробушко. Съ рис. Ц. 30 к.

Рождественская, А. *Неожиданная помощь. Съ рис. Ц. 20 к.

Розовъ-Цвѣтковъ. *Три года на островѣ людоѣдовъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Сервантесъ, М. *Донъ-Кихотъ. Съ рис. Ц. 30 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Филимоша. Съ рис. Ц. 30 к.

тія свѣтили всему человѣчеству яркими факелами—одни, обогащая науку и расширяя ея предѣлы; другіе—своими открытіями и изобрѣтеніями; одни, развивая нашъ умъ, обогащая насъ своими свѣтлыми мыслями или уча насъ истинной любви къ другъ другу и показывая своей жизнью примѣръ самопожертвованія; другіе, давъ человѣчеству безсмертныя по красотѣ творенія въ области литературы, живописи, ваянія, зодчества, музыки...

Имена этихъ свѣточей человѣческаго развитія, ихъ жизнь, дѣла и заслуги обязанъ знать и чтить всякій, хотя немного образованный, человѣкъ.

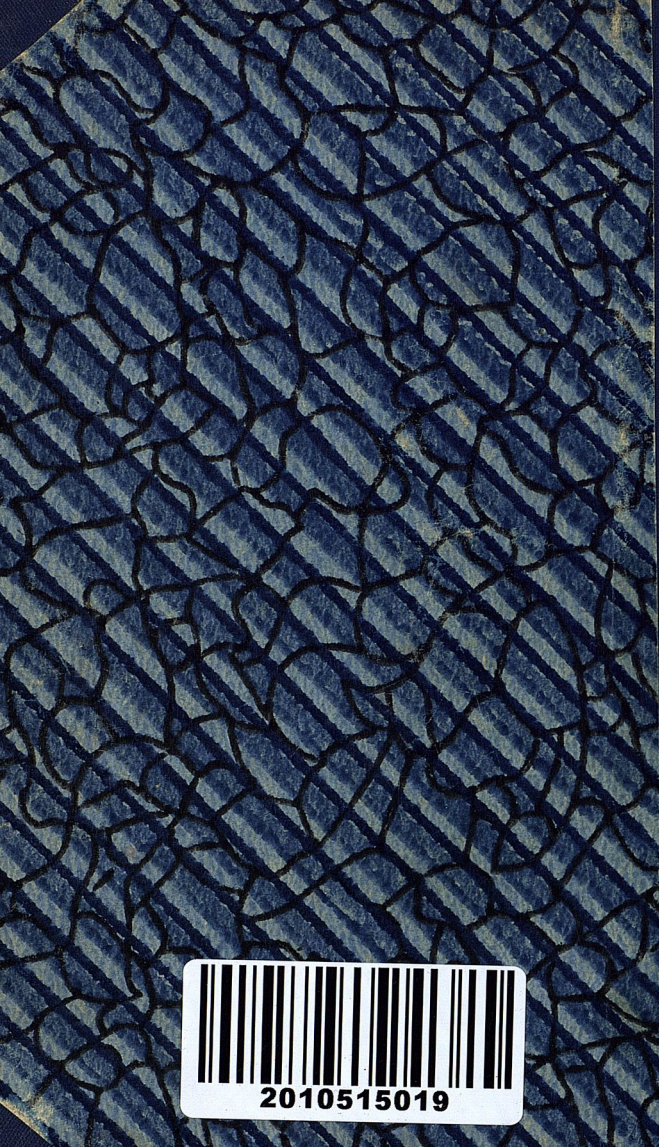
Исходя изъ этого, издательство предприняло выпуски книжекъ съ біографіями великихъ людей подъ общимъ заголовкомъ: «ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ ВСЕГО МІРА»,—задавшись задачею издать біографіи всѣхъ наиболѣе выдающихся людей, какъ послужившихъ нашей родинѣ, такъ и всему человѣчеству, причемъ всѣ біографіи эти по изложенію своему вполнѣ доступны школьному возрасту.

Каждая книжка, объемомъ отъ 32-хъ до 100 стр., отпечатанная на лучшей бумагѣ, съ портретомъ и иллюстраціями, содержитъ въ себѣ полную біографію одного лица.

За литературность изложенія ручается имя редактора, заслужившаго себѣ достаточную извѣстность, какъ писатель для юношества.

Назначая на книжки эти низкую цѣну, издательство имѣло въ виду одну цѣль: дать возможность и несостоятельному человѣку пріобрѣсти хорошую и полезную книжку.

Редакціей намѣчено къ выпуску до 300 біографій. Изъ нихъ въ непродолжительномъ времени будутъ изданы 62 біографіи слѣдующихъ лицъ: **Петръ Великій, Александръ 2-ой, Фридрихъ Великій, Александръ Македонскій, Меньшиковъ, Суворовъ, Сперанскій, Потемкинъ, Вашингтонъ, Линкольнъ, Державинъ, Ломоносовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Жуковскій, Никитинъ, Некрасовъ, Крыловъ, Гоголь, Фонвизинъ, Островскій, Карамзинъ, Тургеневъ, Сервантесъ, Мицкевичъ, Диккенсъ, Вальтеръ Скоттъ, Беранже, Андерсонъ, Шиллеръ, Гете, Шекспиръ, Байронъ, Франклинъ, Гумбольдъ, Ньютонъ, Коперникъ, Галилей, Дженнеръ, Генри Стенли, Хр. Колумбъ, Пржевальскій, Ушинскій, Пироговъ, Гаазъ, Говардъ, Кулибинъ, Уаттъ, Стефенсонъ, Фультонъ, Песталоцци, Гуттенбергъ, Рафаэль, Микель-Анжелло, Брюлловъ, Ивановъ, Федотовъ, Глинка, Волковъ, Щепкинъ и Линней.**


2010515019